

АНДРЕЙ УГЛИЦКИХ

На окраине Перми жил студент ПГМИ

ПОВЕСТЬ

Андрей Углицких
На окраине Перми жил
студент ПГМИ. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120702
ISBN 9785448519307

Аннотация

Мемуарная повесть выпускника 1978 г. Пермского государственного медицинского института (ПГМИ) с 19 фотографиями и предисловием председателя Пермского отделения Российского общества историков медицины О.И.Нечаева. Эссе о медицинском студенчестве. Панегирик любимому ВУЗу и родной Перми. Книга о проблемах и трудностях, с которыми всегда сталкиваются студенты-медики.

Содержание

«Облупились ли носы у классиков медицины?»	5
«Студень»...	8
Суд над Анжелой Дэвис, старт «Апполона» – 17, две Олимпиады	12
Педфак, набор второй	18
От спецпереселенца НКВД до Академика АМН СССР	20
Лечфак или педфак?	28
Последнее дело комиссара Берлаха...	34
«Химия позади, считай студбилет – на груди!»	38
«Цвет небесный, синий цвет...» Николоз	46
Бараташвили и Борис Леонидович Пастернак	
Краткая экскурсия по главному	53
«мединститутскому кварталу» Перми	
Чужой «неуд.»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

На окраине Перми жил студент ПГМИ Повесть

Андрей Углицких

Редактор Андрей Клавдиевич Углицких

Редактор Олег Игоревич Нечаев

Фотограф Андрей Клавдиевич Углицких

Фотограф Олег Игоревич Нечаев

© Андрей Углицких, 2017

© Андрей Клавдиевич Углицких, фотографии, 2017

© Олег Игоревич Нечаев, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-1930-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Облупились ли носы у классиков медицины?»

В последние годы отечественная литература обогатилась произведениями врачей – писателей. Они подняли целый пласт человеческой жизни, ранее скрытый по многим причинам.

Образ врача в произведениях неспециалистов часто скатывается в крайности: или рафинированного рыцаря без недостатков, или наглого самодовольного высокомерного служаку, сборище пороков.

Врач, находясь внутри системы, доносит до читателя объемное видение ситуации на уровне рабочего места, учреждения и общества в целом.

Повесть проф. А. К. Углицких «На окраине Перми Жил Студент ПГМИ» посвящена одному из наиболее ярких периодов жизни большинства людей – периоду студенчества.

Андрей Клавдиевич застал период становления педиатрического факультета.

Ранее в Пермском (Молотовском) медицинском институте не было системной подготовки детских врачей, последним толчком для создания которой было утверждение в 1969 г. Министерством здравоохранения СССР новой номенклатуры врачебных специальностей.

Ядром факультета стали проф. Ю. В. Беляев,

приглашенный из г. Горький, и пермские доценты А. И. Егорова и А. А. Лишке, вскоре ставшие профессорами и заведующими кафедрами.

Каждый студент медицинского вуза изучает анатомию человека, мне больше нравится название – нормальную анатомию (бывает ещё и ненормальная). Предмет сложный, интересный, внутреннюю логику которого не всегда просто постичь.

Во времена студенчества автора «На Окраине Перми Жил Студент ПГМИ...» кафедрой нормальной анатомии человека Пермского мединститута руководила известный на всю страну лимфолог проф. Елизавета Николаевна Оленева. Человек глубоко преданный своему делу, исключительно порядочный, интеллигентный и требовательный к себе и другим. Вспоминаю, как она расстраивалась, когда была вынуждена поставить двойку студенту, который занимался в её группе. Но объективность была для неё основой жизни.

Ректором института с 1970 по 1995 гг. был Евгений Антонович Вагнер.

При академике Е. А. Вагнере Пермский медицинский институт стал крупнейшим медицинским ВУЗом страны, были построены новые корпуса и лаборатории, расширена клиническая база. Объединяя много важных должностей, он был внимателен к мелочам.

Проф. Е. Н. Оленева рассказывала, как однажды ей позвонил ректор с вопросом: «Елизавета

Николаевна, Вы каждый день на работу ходите?», – и получив утвердительный ответ, продолжил: «А почему Вы не заметили, что у классиков медицины носы облупились?». Речь шла о бронзовых скульптурах, расположенных у морфологического корпуса медицинского института.

При прочтении книги А.К.Углицких перед глазами встают образы уважаемых, светлых, дорогих сердцу людей, преподавателей ПГМИ тех лет: Е. А. Вагнера, Е. Н. Оленевой, И. А. Ривкуса, В. С. Варгина, А. А. Храмцова, В. Я. Родионовой, М. Н. Шваревой, К. М. Батуева...

Книга будет интересна читателям всех поколений от очевидцев событий и до современных студентов, тем более, что факты, изложенные Андреем Клавдиевичем, не утратили юношеской яркости.

Нечаев О. И.

Председатель Пермского отделения

Российского общества

Историков медицины

«Студень»...

*«Если не сведут с ума римляне и греки,
Сочинившие тома для библиотеки...»*

Из вагантов

В общественном сознании студенты – это славная когорта, социальная прослойка активных, вечно голодных, вечно спешащих, постоянно что –нибудь зубрящих, сдающих экзамены и зачеты, людей.

А еще студент – это джентльмен, экономящий буквально каждый рубль, но не отказывающий себе порой в походе в ресторан (во времена моего студенчества говорили и писали: «каждую копейку», но ценность денег с течением времени сильно меняется).

Как бы там ни было, во все времена студенты, примерно, в равной степени являются завсегдатаями и библиотек, и дискотек. А в неурочное время – они еще и «сами себе зарабатыватели на жизнь», «кузнецы собственного счастья»: охранники и дворники, провизоры и грузчики, менеджеры и санитары, курьеры и медбратья.

Всегда так было.

Великий образ студента Шурика в бессмертной кинокомедии Л. Гайдая – лучшее тому подтверждение.

Исходя из того, что всякий «термин (от лат. terminus –

предел, граница) – слово, которому соответствует определенное понятие, а определение (лат. definitio) – логическая операция, раскрывающая содержание понятия», заинтересовался как – то я количеством синонимов к слову «студент». Сколько их?

Изучение словарей великого и могучего позволило выявить около двух десятков слов, претендующих на лавры сии. Из разных времен и народов, эпох и государств, религий и языков. Распространенных и не очень.

Самые популярные: слушатель, первокурсник, второкурсник и так далее до шестикурсника, младшекурсник, старшекурсник, очник, вечерник, заочник, дипломник, вузовец, втузовец, консерваторец, универсант.

Есть почти забытые, архаичные: бурш, бурсак, студиозус, студиоз, заушник (?), белоподкладочник. А еще – какой – то «студень» (?) А вот, вообще, не пойми что: «талиб», к примеру!

При этом «бурш», оказывается, это «наименование члена студенческой корпорации в немецких университетах, а также в высших школах других стран, в том числе и Российской империи, принявших эту традицию.

Происходит от названия древнего студенческого общежития – «бурсы». Занятно. Стало быть, «бурсак» – откуда же. Вспомним, что знаменитые герои повести Н. В. Гоголя «Вий» богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець были именно бурсаками.

Хорошо, а что такое «заушник»? А «заушник» – это нечто иное, как «деталь очковой оправы, идущая от края линзы за ухо», как поясняет словарь Ожегова. К самому студенту, вроде бы, прямого отношения не имеет, но намекает, на то, что почти всякий студент – существо близорукое. «Очкарик», «подсадивший» глазоньки свои над книжками, оставивший их на лекциях и в анатомках. Добро, принимается, хотя, справедливости ради, необходимо заметить, что далеко не все студенты – очкарики, и далеко не все очкарики – студенты...

Кто у нас следующий на очереди? Ах, да – «белоподкладочник»! А это что за зверюга такая? А это вовсе даже ни зверюга, а просто – на просто ... «прозвище студентов из богатых семей (по студенческому мундиру на белой шёлковой подкладке, какого не могли себе позволить студенты – различинцы) во второй половине XIX – начале XX века в России...»

А «талиб»? Какое отношение «талибы» имеют к студенческому братству? Знаем мы, помним и про талибан этот, окаянный. Читаем прессу. Неужели же все эти бородачи в чалмах с оружием в руках и без такового, ну хоть, каким – то боком относятся к ... студентам?

Относятся.

Потому, что на турецком и арабском языках (от «talib», «talaba», – искать) «талиб» – это и есть «исследователь; ученый; студент».

Что у нас еще? Неужели, «студень»? Ищем, ищем... «студень». Вот, пожалуйста: «студень» – «студент», «слабак», «желатин», «брюхо», «жир», «рохля», «дрожалка»... Не очень подходит? Возможно. Но что – то все равно есть.

Хотел включить в данный синодик, реестр еще и «курсантов», «курсантиусов», да не состоялось. Ибо, как пишут уважаемые словари, «курсанты» – это, прежде всего, «люди военные», из числа тех, что «обучается на полном казенном „коште“, довольствии, обеспечении».

В общем, студент он и в Африке – студент! Как ни назови, на како масло не намажь!

Суд над Анжелой Дэвис, старт «Апполона» – 17, две Олимпиады

Надо бы еще и со временем определиться. От него, как и от места действия, зависит многое... Поскольку, как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают...»

Нас прежде всего интересует *одна тысяча девятьсот семьдесят второй год от Рождества Христова*.

Миллезим¹ этот, между прочим, не абы какой, а «круглый»: год 55 – летия Великой Октябрьской Социалистической революции. Кто помнит, что и почему было в те времена? Чем дышала, во что верила страна победившего социализма?

Впрочем, думаю, что желающих дать объективную оценку тем замечательным временам отыщется сейчас не так уж много. Особенно, среди людей в возрасте до сорока – сорока пяти лет. Постольку поскольку граждан этих еще просто не существовало. В природе.

А вот мамам – папам, бабушкам – дедушкам их, конечно, есть о чем вспомнить, что порассказать, но... другая беда у них, другая. Бездна, прорва лет канула в Лету с тех лет! Многое позабылось, ушло, как в песок...

Всякая новина, новая информация, как известно, вытес-

¹ Прим.: (франц.) – год созревания вина

няет из сознания предшествующую, отправляет на периферию сознания все потерявшее актуальность. За «отработанностью», не нужностью. Вот и складывается «рухлядь» эта где – нибудь на самой «верхотуре» чердака человеческой памяти, ветшает в самых дальних, пыльных закоулках ее. А что: с глаз долой, из сердца – вон! А вот попробуйте теперь вытащить эти знания оттуда, извлечь их на свет Божий! Мало не покажется!

Но, думается, пришло, таки, время «проветрить чердаки», встряхнуться самим и попытаться «вспомнить все», а если и не все, то, во всяком случае, хотя бы, кое – что...

Памятуя об этом, решился я на небывалое: позаимствовать из соответствующей статьи в «Википедии» по одному, но самому, на мой взгляд, яркому, характерному, «емкому», «выпуклому» событию, случившемуся в каждом из двенадцати месяцев означенного 1972...

В попытке «воссоздать» некий собственный, личный портрет, «образ» канувшего, почившего в бозе. Как «вижу», «представляю» его именно я.

Вот что из этого вышло:

Январь. Генеральным секретарём ООН стал Курт Вальдхайм.

Февраль. В Саппоро прошли XI зимние Олимпийские игры.

Март. Состоялась премьера фильма «Крестный отец», одного из шедевров мирового кинематографа.

Апрель. В Москве, Вашингтоне и Лондоне (столицы стран – депозитариев) – подписание Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении.

Май. СССР с официальным визитом посетил президент США Ричард Никсон.

Июнь. (считаю необходимым разместить не одно, а целых два события): В США суд присяжных признал невиновной Анджелу Дэвис. Из Ленинграда в Вену выслан поэт – «тунеядец» Иосиф Бродский.

Июль. Президент Египта Анвар Садат попросил советских военных советников покинуть Египет. 20 июля опубликовано сообщение ТАСС о том, что «в связи с выполнением функций и после соответствующего обмена мнениями между сторонами» «признано целесообразным возвратить в СССР советский военный персонал».

Август. В Мюнхене открыты XX Летние Олимпийские игры (осложнившиеся грандиозным терактом в отношении израильских спортсменов).

Сентябрь. Роберт (Бобби) Фишер стал одиннадцатым чемпионом мира по шахматам, победив в матче за чемпионство Бориса Спасского со счётом 12½:8½.

Октябрь. Первый полёт первого двухмоторного широкофюзеляжного реактивного пассажирского самолёта фирмы Airbus – Airbus 300.

Ноябрь. Компания Atari выпустила первую коммерчески успешную видеоигру – Pong. С целью изучения спроса игровые автоматы были установлены в двух калифорнийских барах. На следующий же день с момента открытия заведения ожидала целая очередь желающих сразиться в электронный вариант настольного тенниса.

Декабрь. Старт космического корабля Аполлон – 17 (США), шестая лунная экспедиция (приводнение 19 декабря). Экипаж – Юджин Сернан, Харрисон Шмит, Рональд Эванс.

Попутно выяснилось, что в 1972 году появились на свет многие и многие известные люди – будущие спортсмены, артисты, государственные и общественные деятели.

Например, Светлана Журова, конькобежка, олимпийская чемпионка; Константин Хабенский, актёр театра и кино; Яромир Ягр, чешский хоккеист, олимпийский чемпион; Ирада Зейналова, журналистка, корреспондент, телеведущая; Вилле Хаапсало, финский и российский актёр; Алена Бабенко, актриса; Зинедин Зидан, французский футболист, чемпион мира и Европы; Саманта Смит, школьница из США, написавшая письмо Юрию Андропову и посетившая Советский Союз с целью примирить две сверхдержавы; Бен Аффлек, американский актёр; Ванесса Паради, французская певица, актриса и фотомодель.

И ушло в том году немало: Борис Зайцев, писатель; Владимир Дуров, артист цирка, дрессировщик; Леонид Енги-

баров, клоун, мим, киноактёр; Александр Вампилов, драматург и прозаик; Борис Ливанов, актёр и режиссёр; Ярослав Смеляков, поэт; Туполев Андрей Николаевич, авиаконструктор.

От себя хочу добавить: в 1972 году сознанием подавляющего большинства советских людей безусловно были актуализированы, востребованы идеи и идеалы Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Всеобщим было преклонение перед героизмом советского народа в Великой Отечественной, его трудовым подвигом послевоенных лет. Вера в правильность избранного пути, оптимизм подпитывались крупными научными успехами и свершениями, в том числе, прорывного характера, особенно, в ядерной и космической областях.

И в духовной сфере страна Советов тех лет не стояла на месте: рядом с великими М. Шолоховым, В. Катаевым, Л. Леоновым, А. Твардовским год от году крепчали, набирали силы такие литераторы «оттепельного» поколения, как В. Аксенов, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, В. Высоцкий и другие.

На экранах страны с оглушительным успехом демонстрируются «Белое солнце пустыни» (1970) и «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1968), неповторимая «Старая, старая сказка» (1969) и мультфильм «Винни Пух» (1969). На подходе еще один шедевр Андрея Тарковского – «Солярис» (1972)...

С другой стороны, для некоторых из наших сограждан становится очевидным, что перспектив у СССР, увы, нет. И не предвидится. Речь об участниках протестного, диссидентского движения, активно набирающего обороты.

Семидесятые, как «эпоха развитого социализма», были преддверием тотального товарного дефицита, окончательного становления системы фарцовки и блата.

Надо заметить, что шли все эти негативные процессы, во многом обусловившие позднее крах СССР, на фоне относительной «бедности» населения в целом. Основная масса советских семей имела более чем скромные доходы. Особенно ощущалось это на периферии, в глубинке, в провинции.

Педфак, набор второй

**ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИЦИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

имени академика
Е. А. Вагнера

Общеизвестно, что Пермский государственный медицинский институт отпочковался, вырос из «побега» медицинского факультета Пермского Университета.

То есть, началом всему стало появление на свет 13—14 октября 1916 года самого Пермского университета. В структуре физико – математического факультета которого имелось медицинское отделение. Ставшее в 1917 году полноценным медицинским факультетом.

А 23 февраля 1931 года, в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР, медицинский факультет стал отдель-

НЫМ МЕДИЦИНСКИМ ИНСТИТУТОМ².

Корпус ПГМИ на углу ул. Куйбышева и Большевикской. Особняк возведен в первой четверти девятнадцатого века по проекту знаменитого зодчего И. И. Свиязева, а позднее, в середине века – перестроен архитектором Р. О. Карвовским в духе русского классицизма³. Из архива О.И.Нечаева

² Прим.: <http://www.pdma.ru/universitet/istoriya-universiteta.html>

³ Прим.: В советское время здесь размещались революционный трибунал, окружная прокуратура и медицинский факультет (кафедра санитарии и гигиены) Пермского университета.

От спецпереселенца НКВД до Академика АМН СССР

В 1972 ректором ПГМИ был профессор Евгений Антонович Вагнер. Человек незыблемого авторитета, мужества и личного обаяния.

Долгое время не знал я досконально многих обстоятельств жизни этого замечательного хирурга и ученого. Представлявшейся мне, в мои студенческие годы, вполне благополучной, карьерно – восходящей, почти беспроблемной.

Благополучной настолько, насколько может быть благополучной эта вот, официальная биографическая справка:

«Евгений Антонович Вагнер родился 22 сентября 1918 года в с. Понятовка Херсонской губернии. В 1940 г. окончил лечебный факультет Одесского государственного медицинского института и был оставлен в аспирантуре.

Во время Великой Отечественной войны служил начальником хирургического отделения эвакуационного госпиталя.

С 1946 г. – хирург, заведующий хирургическим отделением Березниковской городской больницы.

С 1955 г. – главный врач Молотовской областной клинической больницы.

В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1966 г. –

докторскую диссертацию.

С 1961 г. – доцент кафедры госпитальной хирургии. С 1965 г. – зав. кафедрой факультетской хирургии и одновременно проректор по научной работе.

С 1967 г. – профессор, с 1970 г. – ректор ПГМИ, заведующий кафедрой госпитальной хирургии.

В 1965 г. присвоено звание заслуженного врача РСФСР, в 1973 г. – заслуженного деятеля науки РСФСР.

В 1980 г. избран членом – корреспондентом, в 1986 г. – действительным членом АМН СССР.

Член правления, затем заместитель председателя Всероссийского общества хирургов, член международной ассоциации хирургов, ученого совета и совета ректоров Министерства здравоохранения РФ, редакционных советов медицинских журналов.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Отечественной Войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почёта», медалями, в 1997 г. удостоен Государственной премии Российской Федерации.

Почетный гражданин г. Березники, г. Перми, Пермской области.

Умер 14 сентября 1998 г.»⁴

Лишь гораздо позже задумался о том, почему, каким это образом, уроженец жаркого юга, немец по национальности,

⁴ Прим.: <http://www.people.su/19722>

оказался вдруг за тридевять земель от родной Одессы на нашем холодном Урале? В те годы в Пермской области было немало этнических немцев, оказавшихся в наших краях не по своей воле, не случайно, а *вынужденно. Под давлением обстоятельств.*

Неужели же и Евгений Антонович из числа репрессированных, перемещенных?

Трудармеец – спецпереселенец – ректор ПГМИ – Академик АМН СССР, заслуженный врач и заслуженный деятель науки РСФСР – Почетный гражданин Березников, Перми, Пермской области Евгений Антонович Вагнер. Из архива

Судите сами.

В 1941 году недавний выпускник и молодой аспирант Одесского медицинского института Е. А. Вагнер призван в Действующую армию. Начал работать заведующим хирургическим отделением эвакогоспиталя.

«В начале 1942 года в жизни молодого военного врача наступил трагический перелом – особый отдел части снял его как немца по национальности с фронта и отправил в Казахстан. В Алма – Ате ему предложили сдать личное оружие, сняли знаки отличия и объявили о зачислении в трудовую армию. Так Вагнер оказался в товарняке, следовавшем на Урал...».⁵

Что же это такое «трудовая армия»?

«Термин «трудовая армия» возник раньше, в годы гражданской войны, когда специальным декретом

⁵ Прим.: «Сов. историк Морозов Н. А. применил к временным трудовым коллективам термин „трудоармия“ и дал ему определение: „„трудоармия“ – это военизированная форма труда определённых категорий советских граждан в 1941—1945 гг., являющаяся разновидностью трудовых поселений и „колонизации““. Формально все мобилизованные считались свободными людьми, которых защищали советские законы. Но на деле их жизнь регулировали декреты, инструкции и положения Комитета обороны. Контроль за мобилизацией и содержание мобилизованных возлагались на НКВД. Работали трудящиеся на добыче полезных ископаемых, лесозаготовках и в строительстве». «Трудовые армии 1942—46 гг.» статья в Википедии.

была объявлена всеобщая трудовая повинность и сформированы «революционные армии труда» для решения хозяйственных задач в военное время.

В годы Великой Отечественной войны вновь была введена принудительная трудовая повинность и тех, кто ее нес, стали называть «трудармейцами». Но ни в одном официальном документе периода 1941—1945 гг. понятие «трудовая армия» не встречается.

Большую часть этих формирований составили люди, считавшиеся неблагонадежными по социальному или национальному признаку: поволжские немцы, евреи, эстонцы, финны, румыны, венгры, итальянцы. Они использовались на стройках НКВД в различных отраслях народного хозяйства. Стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале.»⁶.

Соликамск встретил южанина суровыми морозами, жестокими выюгами, обвальными снегопадами. Поселили трудармейцев на ...овощехранилище.

Нары, голод, холод, тяжелый многочасовой труд...

Что делал, чем занимался тогда молодой врач?

Как сообщается, первое время «общими земляными работами»: копал траншеи, ямы, убирал овощи. Потом был переведен, направлен врачом в самую глухомань для медицинского обслуживания прибывающих эшелонов все новых

⁶ Прим.: Ирина Петрищева «Что такое «Трудовая армия»? «Архивы, истина, война...». <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/45683/>

и новых трудармейцев.

Возможно, мы не знаем этого наверняка, но, скорее всего, не раз и не два задавал он себе в свободную минуту сакраментальный вопрос: «За что?»

Впрочем, к счастью, свободного времени у Евгения Антоновича почти никогда не было. Ведь врач Вагнер опять занимался любимым делом – лечил людей!

Да, немец, да, косо посматривают, да, подозревают, да, следят за каждым шагом. Ну и пусть! Главное не в этом, это все можно, можно пережить! Главное сейчас в другом, главное в том, что ОН ОПЯТЬ ЛЕЧИТ ЛЮДЕЙ! Этого у него никто уже не в силах был отнять!

Закончилась война. Трудармейцы ждали послабления, разрешения вернуться на свои малые родины.

Дождались!

Новый закон Верховного Совета СССР гласил: «без права выезда с мест поселения на вечные времена».

Так трудармеец Вагнер стал еще и спецпереселенцем. Теперь он не мог выехать даже в Пермь для защиты своей кандидатской диссертации! За оставление мест поселений нарушителям закона грозил немалый срок.

Молодой ученый не имел также возможности представлять результаты своих исследований на научных конференциях, съездах. Казалось, жизнь окончательно зашла в тупик.

Именно тогда ему очень помогла встреча с хорошим человеком – А. А. Росновским. Который попросил не оставлять

молодого врача свои научные исследования. Росновский же убедил талантливого хирурга, что «спецпоселенчество – явление временное, а научная хирургия и творческая работа были, есть и всегда будут»⁷.

Остальное хорошо известно из официальной биографии ректора ПГМИ...

⁷ Прим.: Одессит – трудармеец – академик. <http://www.media-office.ru/?go=765707&pass=f320b04aa57f93338071dfc0f82752aa>

Лечфак или педфак?

Любопытный исторический факт: «первый набор студентов во вновь образованный Пермский мединститут (1931) проводился на семь факультетов: лечебно – профилактический, санитарно – гигиенический, охраны материнства и младенчества, подготовки фельдшеров без отрыва от производства, рабфак, высших медицинских кадров, химико – фармацевтический»⁸.

Но и в 1972 году у абитуриента ПГМИ также имелся немалый, считаю, выбор. Кандидат в студенты мог поступать на любой из четырех факультетов: на лечебный, педиатрический, санитарно – гигиенический или стоматологический.

Лидером, самым главным, престижным, значимым считался (и являлся!) именно Его Величество Лечебный Факультет. Это – объективно. Это – не обсуждается.

На ступеньку, но, все – таки, ниже шел санитарно – гигиенический факультет, не в обиду замечательным выпускникам его будь написано это. Простите, друзья! Сейчас я во многом изменил ту, раннюю свою, точку зрения, но когда – то, и впрямь, полагал, что дело обстоит именно так.

Причина простая: выпускники санфака, хотя и занимались крайне важной и ответственной работой, обеспечивая

⁸ Прим.: История университета. Начало высшего медицинского образования на Урале. <http://www.pisma.ru/universitet/istoriya-universiteta.html>

безопасность граждан, но правом *лечения* людей они наделены все – таки не были. А мне хотелось лечить, а не только предупреждать!

Примерно, вровень с санитарно – гигиеническим значился в моей тогдашней «табели о рангах» и стоматологический факультет.

Да, стоматологи, конечно, лечили, но лечили они не всего человека. Их интересы ограничивались всего лишь челюстно – лицевой областью. С другой стороны, учились на стоматфаке на целый год меньше. Не «пять лет и десять месяцев», как на всех остальных факультетах, а всего лишь «четыре и десять...». Для кого – то из абитуриентов это обстоятельство имело определенное значение.

Оставался, впрочем, еще педиатрический... Каюсь, мало что знал об этом новом факультете. Так, в общих чертах. Но главным было то, что давал он право непосредственной лечебной работы. Одно это уже ставило его вровень, на одну ступеньку с лечфаком. Правда, право это распространялось только на детей.

С другой стороны, лечение пациентов детского возраста представлялось мне в каком – то смысле, занятием даже более трудным, нежели взрослых. Взрослый больной, он, хотя бы, может сказать, объяснить врачу, довести до сведения доктора: что, где, как болит... А ребенок? Что может врачу рассказать о своих болячках грудная кроха, к примеру?!

Вот почему, подавая документы в ПГМИ, колебался я

до последней минуты. «Разрываясь» между лечебным и педиатрическим... Меняя «последние» и «окончательные» решения по сему поводу по несколько раз на дню. Традиционно, чуть большее предпочтение отдавая именно лечебному структурному подразделению ПГМИ. Хотя, в итоге оказался, все – таки, на педфаке...

Как, почему так случилось, произошло?

Дело в том, что в момент подачи документов (а подавал я их именно на лечфак) одна из членов приемной комиссии, замечательный врач – хирург, доцент Вера Яковлевна Родионова⁹ посоветовала:

– А не хотите ли, молодой человек, пойти учиться на педиатрический...? Стать детским врачом? Факультет просто замечательный! Новый, открыт в прошлом году. Перспективный! Сейчас набирает студентов во второй раз. В историю войдете!

А теперь скажите, друзья, только честно, вот, вы бы устояли, если бы вам вдруг предложили «войти в историю»? Неужели отказались бы от интересной возможности реализовать, проявить себя на новом, необыкновенно трудном и важном поприще?

А кто сказал, что будет легко?¹⁰

⁹ Прим.: о Вере Яковлевне Родионовой и ее муже, прекрасном хирурге Виталии Николаевиче Кабаеве здесь: http://gov.cap.ru/Publication.aspx?gov_id=337&id=202413

¹⁰ Прим.: Нынче «на дворе» уже 2014... Значит, на «мой» педфак будут набирать уже в 44-й раз! О, безжалостное время!

Виталий Алексеевич Четвертных – первый декан педиатрического факультета¹¹ и Евгений Антонович Вагнер. Из архива О. И. Нечаева.

¹¹ Прим.: Четвертных Виталий Алексеевич: <https://famous-scientists.ru/4395>

Последнее дело комиссара Берлаха...

Вступительные экзамены в советские ВУЗы... Проводились они, если память не изменяет, в конце июля – начале августа.

Абитуриентов – медиков ожидали устные вступительные испытания по биологии, физике и химии. Плюс – письменный экзамен (сочинение). Хотя, по атомарному, так сказать, «весу» и экзаменационному «авторитету» сдаваемых дисциплин, правильнее была бы иная «расстановка»: ХИМИЯ¹², а уже потом и всё остальные.

В моем случае началось все с испытания письменного.

В перечне тем для сочинений, предложенных в тот год, значились, если не ошибаюсь, А. С. Пушкин с мятущейся его Татьяной, и В. В. Маяковский с «чистящей себя под революцией» поэзией.

Я же, ничтоже сумняшеся, избрал тему третью, свободную, точного названия которой сейчас не помню, что – то там совсем уж пафосное, типа: «Гуманистические начала профессии врача (на примере героизма советских медиков)».

Но, думаю, не ошибся – так вдохновенно писалось мне

¹² Прим.: Да, да, химию надо бы дать в этом перечне с ПРОПИСНЫХ, а не строчных букв: Х И М И Я!

о подвиге наших медиков в годы Великой Отечественной войны!

Раскрыть героические и гуманистические качества советского врача, всей нашей замечательной советской медицины (без всяких оговорок и кавычек!) во всей своей полноте решил я на контрасте с медициной не нашенской, буржуазной, а значит, по определению, никуда не годной.

Помог на этом нелегком пути новый телевизионный фильм «Последнее дело комиссара Берлаха» (1972). Снятый по повести швейцарского писателя Ф. Дюрренмата «Подозрение».

Картина (напомню тем, кто не видел этой работы режиссера Василия Левина) посвящена была «последним месяцам жизни комиссара полиции Берлаха, в течение которых умирающий полицейский следователь продолжал, несмотря ни на что, попытки разоблачить жестокого военного преступника, нацистского врача – изувера Эменбергера.

А тот, вражИна, как и положено вражИне, скрывался под чужим именем и продолжал гнуть свою фашистскую линию: проводил жестокие опыты над ни в чем ни повинными людьми, пациентами своей клиники. Оперировав несчастных больных БЕЗ НАРКОЗА! В конце фильма, пускай и ценой собственной жизни, смертельно больному блюстителю закона Берлаху удастся, таки, призвать к ответу преступного виссектора...».

Писал искренне, честно. О том, что думал, о том ка-

ким виделся мне мир... Я казался себе «взрослым». И, в этом смысле, будучи патриотически настроенным советским школьником, вряд ли чем – то существенно отличался от большинства сверстников.

Впрочем, патриотизм мой уже не носил абсолютного характера, его уже нельзя было считать ни классическим, ни «сто процентным». Ибо был он слегка, но – «подмочен» принесенными извне обстоятельствами.

Допускал, что и по ту сторону «железного занавеса», все таки, имеется что – то хорошее, что и там есть свои, пусть и не многочисленные, но, тем не менее, достоинства.

Например, музыка! Речь о западных музыкальных веяниях, обрушившихся с конца шестидесятых на СССР. О битломании, если проще. Да, был я «битломаном». Носил длинные, почти до плеч, волосы. По тогдашней крайней моде.

Утешало, повторяю, то, что это мое увлечение англо – саксонской музыкой, электромузыкальными инструментами, роковой зарубежной музыкальной культурой, весьма распространенное среди тогдашней молодежи, абсолютно не конфликтовало с той, значительнейшей, надо сказать, частью моего сознания, отвечавшей за преклонение перед мужеством и стойкостью советского народа, перед героизмом Советской армии и флота. Что оно совершенно не мешало мне искренне считать, полагать страну свою самой передовой, самой правдивой, самой лучшей на свете!

В общем, не знаю, почему, но был я уверен в своем сочи-

нении. Тем более, что, стараясь не рисковать, по возможности, я сознательно «упрощал» текст, там, где считал это возможным, допустимым.

Письменный экзамен проводился в Большом зале Главного корпуса. Рукопись свою сдавал я одним из самых последних.

Все. Теперь нужно было ждать результатов. Долго. Неделю или даже больше.

...Наконец, списки с оценками вывешены, представлены для всеобщего обозрения на досках объявлений Главного корпуса (в пространстве на лестничной площадке между первым и вторым этажами).

Волнуясь, ищу, ищу фамилию свою чередой бесконечных списочных столбцов. И в круге первом, конечно же, пропускаю, не нахожу себя! Вот какие штуки проделывает иногда с нами волнение! И только на второй раз все благополучно разрешилось.

Выяснилось, что мой сочинительский порыв не пропал всуе. До «пятерки», правда, не дотянул, но и «четверка» устраивала. Это был допуск к следующему испытанию, к экзамену по химии.

«Химия позади, считай студбилет – на груди!»

«Сдал химию – поступил в мед!» – не раз и не два доводилось слышать мне от знакомых студентов – медиков. Как же я завидовал им, этим едва ли не небожителям! Завидовал белой завистью!

Еще бы, ведь они уже сдали, и сдали – успешно, скинули с плеч всю эту вступительную «муру». И химию, и прочее. Эти ребята, которые по возрасту были старше меня буквально на один – два года, казались мне, едва ли не аксакалами, умудренными огромным жизненным опытом!

А я? А у меня?

А у меня все было еще впереди.

Как и почти все поступающие, слегка побаивался я химии. Мне не стыдно в этом признаваться. Даже сейчас, сорок два года спустя.

Ведь, кто – то правильно некогда заметил, что человек чаще всего боится не вовсе не действительно страшного, а, по большей части – *«неизвестности и неопределенности грядущего»*.

Да, вступительный химический экзамен был самым трудным, но вовсе не потому, что химия была самой трудной из существующих на земле наук! Нет, проблема лежала

несколько в иной плоскости: в те времена на химическом экзамене стало «модным» проверять и оценивать не столько знание теоретических вопросов, сколько практических, то есть, способности будущих врачей решать разнообразные химические задачи.

Иными словами, речь шла о наметившемся «доминировании», приоритете прикладных знаний над фундаментальными. Кто – то посчитает это перекосом, кто – то – нет.

Но, вот, задачи эти самые, чтоб ни дна им, ни покрывки, сами по себе были с такими «вывертами» и с подвохами, что мама не горюй! Составлены и подобраны они были так, что у экзаменатора всегда оставалась в запасе реальная возможность «утопить» вас. И любого на вашем месте!

Ибо всегда можно было, например, объявить ваше решение не вполне корректным или даже вовсе неправильным.

Или же обвинить абитуриента в том, что результат достигнут с использованием не самых современных, а в чем – то уже «устаревших» методов, или просто «не тем методом», которым «следовало бы»... И, стало быть, влупить «фитиль», поставить «пару» на совершенно законных основаниях.

Была бы, как говорится, статья, а подсудимый всегда найдется!

В экзаменационных кулуарах гуляло тогда немало слухов, рассказывалось вопиющих историй с одной и той же тематикой: «Жестокий „произвол“ экзаменаторов на экзамене

по химии».

С другой стороны, если же задачу каким – то чудесным образом все же удавалось решить, то, скорее всего, «тройка» за экзамен вам была почти обеспечена. Другой вопрос, что с ней делать потом при тогдашних проходных баллах?

Особенно опасались химии именно абитуриентки. В 1972 году для них были установлены гораздо более высокие проходные баллы, по сравнению с коллегами по экзаменационным аудиториям мужского пола¹³.

Отсюда – устойчивое мнение, что «абитуриенток больше «валили», «топили», тогда как абитуриентов напротив – слегка «приберегали», даже... Впрочем, «бережение» это носило весьма относительный, условный характер.

Решающим фактором, все – таки, было именно решение практической задачи. Если справиться с ней не удавалось, ничто и никого уже не могло спасти. Ни мальчиков, ни девочек. Извольте, с вещами, на выход! Кто в армию, кто – на подготовительные курсы! До следующего года.

Таким образом, тогдашний экзамен по химии был неким «моментом истины», естественным барьерным «рифом». О коварные и острые подводные камни которого, по замыслу ректората, должны были разбиться утлые суденышки и хлипкие «шлюпочки» абитуриентов – неудачников. Это безжалостное испытание призвано было оставить на «плаву» толь-

¹³ Прим.: Подробнее см. в главе: «22,5:17,5. Спасибо, товарищ Маршал Советского Союза!»

ко самых – самых достойных.

Под статью, заложенной в основу химического экзамена, беспощадной идее дарвиновского естественного отбора были и сами экзаменаторы. В строгую комиссию входило несколько настоящих, проверенных временем, «волкодавов», «терминаторов», специалистов по расчистке абитуриентских «авгиевых конюшен». Само попадание к которым означало почти неминуемый финал.

Но даже на их тяжелом, безотрадном фоне выделялась своим особенным, я бы сказал, изысканным, даже, «людоедством» (не побоюсь этого слова) доцент кафедры общей химии по фамилии Л – а¹⁴. О методах работы этого специалиста ходили легенды, о них сочинялись едва ли не песни и былины!

Теперь читатель знает достаточно для того, чтобы сполна оценить мой блестящий экзаменационный план. Он был предельно прост. Пункт первый: «Постараться не угодить к доценту Л – ой» («Пронеси, Господи, обнеси меня сей чашей!»). Пункт второй требовал, заклинал: «Надо решить задачу!». Пункт третий предписывал: «По выполнении пунктов 1 и 2, действовать по обстоятельствам».

Я упорно готовился воплотить его в жизнь, реализовать на деле.

Не могу не написать вот еще о чем. Знаю, прекрасно знаю

¹⁴ Прим.: Все фамилии, имена, инициалы изменены. Все совпадения случайны или надуманы

о том, что история не терпит сослагательного наклонения, но, если бы поступал я в мединститут не тогда, сорок два года назад, а сейчас, конечно, готовился бы я к экзаменам по – другому, совсем не так, как я к ним готовился.

Нынче львиную толику подготовительного периода посвятил бы я именно занятиям с репетиторами. По всем необходимым предметам.

Или попытался бы поступить в специализированные биологические лицеи, которые сейчас имеются почти при каждом уважающем себя медицинском университете. Выпускники коих, при условии получения высоких оценок на выпускных школьных испытаниях, автоматически зачисляются в студенческие ряды нынешних медицинских университетов.

Но тогда, в 1972 году, мы, конечно, ни о каких репетиторах и слыхом не слыхивали! И со словом этим встречались лишь на страницах литературных произведений, описывающих нравы дореволюционной гимназии (повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий», к примеру).

Посему готовился я к экзаменам исключительно *самостоятельно*. По старинке штудировав обычные школьные учебники.

А тут еще погода, чтоб ей пусто было, преподнесла, таки, сюрприз. Раскочегарившись, не на шутку!

Надо сказать, что лето у нас на Урале почти всегда, в лучшем случае, на твердую «троечку». Почти никогда не бывает

особо жарким. И даже – просто жарким. (Видно, чем – то прогневали мы, пермяки, Господа Бога, коль скоро, «наказал» Всевышний уральскую землю нашу таким количеством пасмурных дней в году!).

Мало того.

Считаю, что многие жители Урала (это я, в первую очередь, о себе, конечно же!) бывают «мрачновато – пасмурными», «неулыбчивыми» именно по данной причине. Солнца, солнца нам иногда не хватает. Погодного «позитива» не достаёт! Нечто более или менее, хорошее, жаркое, «пляжное» случается в наших краях не чаще одного раза в десятилетие.

Так вот, надо же было такому случиться, что именно тогда, в 1972 году, природа столь безжалостно «ударила» по моим вступительным экзаменам каким – то невероятным количеством зноя, тепла! Да, да, стояла несусветная жара. И не только, кстати, на Урале, но и повсеместно. В том числе, в Москве.¹⁵

Таким образом, подготовка моя вынужденно сводилась не только к зубрежке, а именно к разумному, пропорциональному сочетанию этой самой зубрежки с активным отдыхом (купание, загорание) на реке Каме.

Будучи коренным жителем, аборигеном небольшого поселка городского типа с оригинальным названием «КБ-Маш», раскинувшегося на холмах неподалеку от остано-

¹⁵ Прим.: Москвичи до сих пор недобрый словом поминают знойное пекло и душливый дым торфяных пожаров 1972 года!

вочной площадки (о.п.) «Молодежная» Горнозаводского направления Свердловской железной дороги, предпочитал я не сам официальный пермский городской пляж (находившийся чуть дальше, в окрестностях о.п. «КамГЭС»).

Нет, меня куда больше привлекали территориально близкие, «родные» окрестности, а именно – район бетонного ложа водохранилища Камской гидроэлектростанции с прилегающими шлюзами. Именуемые местными жителями просто «бетонкой».

Шлюзы Камской Гидроэлектростанции

На «бетонке» вода была намного «чище», а народу сюда приходило купаться куда меньше. К тому же, с «бетон-

ки» всегда было интересно наблюдать, как входят в шлюзовые створы разнообразные суда, как тянутся и тянутся бесконечные плоты с верховьев Камы и Вишеры! Плоты детства и юности моих...

«Цвет небесный, синий цвет...» Николоз Бараташвили и Борис Леонидович Пастернак

*«Попрыгунья – стрекоза
Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза...»
И.А.Крылов «Стрекоза и муравей»*

За всеми этими подготовками и приготовлениями, как – то незаметно наступил день очередного вступительного испытания.

Явка на экзамен назначена была на полдень.

Добираться до Главного Корпуса ПГМИ удобнее всего было мне ... железной дорогой, электропоездом.

Почему, неужели же в Перми не было автобусов и трамваев?

Да, нет, автобусов и трамваев хватало. Просто жил я далеко от исторического центра города. Километрах в двадцати, примерно. В отдаленном пригороде, на самой городской окраине – в Орджоникидзиевском районе города.

Взгляните на карту города. Чтобы убедиться в том, что Пермь реально напоминает собой некое длинное – длинное, протянувшееся с севера на юг, «коромысло», «веретено»,

«веретёшко», километров под семьдесят в длину от одного его окончания до другого, ну никак не меньше!

«Виной» тому – моя любимица, красавица река Кама. Именно она «растянула» своей великостью и протяженностью город вдоль своих бесконечных берегов, подобно атлету, растягивающему тугой пружинный эспандер.

Так вот, на самом северном «полюсе» этого «коромысла», «веретёшка», на уровне Камской ГЭС, я и имел честь жить – поживать.

В нашей стране, кстати, несколько таких вот, городов, условно говоря, «эспандеров». Пермь успешно входит в их призовую «тройку» (наряду с Н. Новгородом и Волгоградом).

Опишу вкратце маршрут, которым в студенчестве добирался я с моей периферии до «сердца» нашего института – Главного корпуса ПГМИ.

Из «двери в дверь», что называется.

Первая часть этого путешествия – это пеший переход от моей кирпичной пятиэтажки, располагавшейся в самом конце улицы Веденеева до о.п. «Молодежная».

Появлением своим на свет поселок наш, «КБМаш» («Конструкторское Бюро Машиностроения») обязан был секретному и значительному «среднемашевскому» предприятию, работавшему на сугубые нужды «оборонки» (как, впрочем, и почти вся промышленная Пермь в те времена).

Вот такие «игрушки» выпускались на «почтовом ящике» «Конструкторское бюро Машиностроения» – Научно – производственное объединение «Истра». А в правом нижнем углу кадра здание пермской школы №16, в которой заканчивал я восьмой класс. Фотограф А. Углицких, 2011

Дистанция перехода небольшая – километра полтора – два. Дорога «легкая», все время под уклон, словно бы, «скапываясь» с горочки. Ноги сами себя, что называется, несли...

Наконец, с пристанционного холма, радуя глаз и волнуя сердце, открывался совершенно изумительный вид: темно – синее искусственное Камское море – водохранилище, с примыкающей к нему железной дорогой, и виднеющимися поодаль высокой «Спасской башней» главного управления

шлюзами Камской ГЭС, любимой моей «бетонкой» и лодочной станцией... И над всем этим благолепием шатром невиданной красоты раскинулась необъятная, бездонная глубина небесного купола!

Помните: «Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет...» Так вот, иногда кажется мне, что Николоз Бараташвили написал строки эти – и я вовсе не шучу! – именно об этом небе! О пермских небесах моих!

Тем более, что Б. Л. Пастернак, который перевел на русский язык это гениальное стихотворения классика грузинской литературы, был вполне себе «нашенским», «уральским» человеком. Частенько бывал в Перми, подолгу жил в Пермской губернии (в первой четверти двадцатого века) и, следовательно, имел полную возможность наблюдать дивную природу Урала собственными глазами.¹⁶

Красота, и впрямь, какая – то просто невероятная!

¹⁶ Прим.: Абашев В., Масальцева Т., Фирсова А., Шестакова А. В поисках Юрятина. Литературные прогулки по Перми. Пермь, 2005. <http://www.dompasternaka.ru/library/detail.php?id=557>

Наша пермская «Спасская» башня» – Здание Главного управления шлюзами. 1949—1958 гг. Архитекторы: Б. К. Александров, Е. М. Попов, С. В. Кринский. Пермский край, г. Пермь, Комплекс КамГЭС. Фотограф А. Углицких, 2011

Далее следовало железнодорожное путешествие от «Молодежной» до станции «Пермь – I», занимавшее обычно минут двадцать – двадцать пять.

Движение электропоездов осуществлялось согласно расписанию, изобиловавшему, кстати, большими «ремонтными» разрывами, «перерывами». Поэтому всем «орджоникидзиевцам», коим выпало трудное счастье работать или учиться, как это называлось и называется до сих пор: «в центре», «в городе», приходилось под него постоянно принаравливаться, подгадывать...

Перечислю названия станций и остановочных площадок: «Кислотный», «Балмошная», «Юбилейная», «Язовая», «Мотовилиха».

От красивейшей, дореволюционной еще постройки, станции «Пермь – I», следовало опять идти пешком.

Только теперь – все время «в горку», в «подъемчик»: по улице Орджоникидзе (нынешней Монастырской) минуя здание бывшего Камского речного пароходства (теперь в нем располагается областной краеведческий музей), затем – Комсомольским сквером мимо знаменитого на весь мир Пермского театра оперы и балета и вот он, как на ладошке перед тобой – Главный корпус ПГМИ!

К чему это я так «разошелся», с чего бы так все так подробно описал?

Да чтобы показать, что все студенчество мое, по сути,

вполне можно полагать одним сплошным, хотя и, «разорванным» на тысячи и тысячи «отрезков», и, одновременно, растянутым на немалое лет, железнодорожным переездом. Осложненным хроническим вокзальным ожиданием.

Множество лет, по шесть дней в неделю, дважды в день – было так! Не потому ли расписание пригородного сообщения как «туда» (о.п. «Молодежная» – «Пермь – I»), так и «обратно» (ст. «Пермь I» – о.п. «Молодежная») так прочно «вшито» в память мою? Впечаталось навсегда! Настолько, что я и сейчас, спустя почти полвека, могу воспроизвести его на память!

Подобно демобилизованному солдату – отставнику, который до конца дней своих без запинки и в любое время суток может на память назвать табельный номер когда – то давным давно закрепленного за ним автомата или винтовки!

Краткая экскурсия по главному «мединститутскому кварталу» Перми

Главный корпус института располагался в самом историческом сердце Перми, на пересечении улиц Карла Маркса и Коммунистической. (Он и сейчас, несмотря на изменившийся почтовый адрес, находится там же. Просто поменялись названия улиц, вернувших себе дореволюционные наименования: улица Карла Маркса опять стала Сибирской, а Коммунистическая – Петропавловской).

Напомню, что ПГМИ был в 1972 году одним из шести имеющихся в городе – миллионере ВУЗов (Университет, Политехнический, Сельскохозяйственный, Педагогический, Фармацевтический институты, а также – Пермское высшее военное училище).¹⁷

Комплекс мединститутских зданий на улице Коммунистической, занимая всю четную сторону прилегающего квартала, состоял из трех больших корпусов (Главного или Первого, Второго и Третьего).

¹⁷ Прим.: Спустя три года, в 1975 году, «полк» пермских ВУЗов пополнился еще и Институтом культуры

Первый и Второй корпуса ПГМИ на Петропавловской (бывшей Коммунистической). Фотограф А. Углицких, 2011.

Экзамен по химии проводился в Главном (Первом) корпусе ПГМИ.

Думается, что неспроста: ведь именно в этом основательном, еще дореволюционной постройки, здании базировались все идеологические кафедры (истории КПСС, марксистско – ленинской философии, научного атеизма), кафедры биологии, гистологии, гигиены, а также деканаты большинства факультетов. А совсем неподалеку, со двора, располагался вход в «святыя святых» – ректорат.

В общем, Главный корпус можно считать, одновременно, и руководящим штабом и идеологическим «сердцем» ПГМИ.

Во Втором корпусе осуществлялось преподавание иностранных языков, включая, латинский, здесь же находились

профсоюзный и комсомольские комитеты института.

Наконец, последним в ряду, самым угловым квартальным зданием являлся Третий корпус. Он всегда пользовался у студентов репутацией зоны «повышенного риска». Ведь в нем находились грозные кафедры нормальной и топографической анатомий, оперативной и военно – полевой хирургий! Помимо этого, на территории «Трешки» нашли пристанище прославленный анатомический музей ПГМИ и виварий.

Кстати, благодаря именно этим обстоятельствам, Третий корпус был еще и самым «озвученным» из числа остальных зданий квартала моей «альма – матер».

«Повинны» в том были круглосуточный собачий вой и лай, доносившийся из вивария, а также – «завывания» электрогитар и грохот барабанов. Ибо именно в «Трешке» – буквально наискосок от гардероба – размещалась небольшая по площади, но очень «громкая» репетиционная комната, в которой до поздней ночи увлеченно музицировали тогдашние факультетские вокально – инструментальные ансамбли...

«Анатомка» Третьего корпуса ПГМИ. Фотограф А. Углицких, 2011.

Завершив краткий «вояж» по заповедным для каждого студента ПГМИ местам, вернемся в Главный корпус на экзамен по химии.

Чужой «неуд.»

Конечно, невозможно было не обратить внимания на то, что многих из абитуриентов сопровождали целые «группы поддержки». Включавших в себя всех неравнодушных к судьбе конкретного кандидата в студенты и пришедших «поболеть» за него (родственников, знакомых, знакомых знакомых и так далее).

С одной стороны, это было понятно и по – человечески вполне объяснимо: если абитуриент приехал, к примеру, из другого города, кто – то же должен сопровождать его, помогать в обустройстве, хлопотать за неопита в общежитии, переживать, за несчастного? Должен! Ведь, тому достается, ой, как несладко!

А с другой – необходимо отметить, что многие из этих добровольных помощников зря времени на экзамене не тратили. Создав, развернув на прилегающих территориях настоящую систему сбора «разведывательной» информации. Действуя методом «экзит – пулов», то есть, опрашивая на выходе из экзаменационного зала всех доступных им участников вступительного испытания.

Назойливых «интервьюеров» этих интересовало буквально все: номера и вопросные составы экзаменационных билетов, условия и варианты решений экзаменационных задач.

Кроме того, эти люди активно занимались сбором опера-

тивной информации о том, кто и как сегодня «принимает», в каком расположении духа находятся те или иные экзаменаторы, какие они любят задавать «дополнительные вопросы».

Думаю, по результатам этой работы в «личных штабах» некоторых тогдашних кандидатов на студенческие билеты активно принимались те или иные решения, выдавались рекомендации относительно правильности тактики «вступительной» компании. Возможно, этим, «обласканным» вниманием, дружеской, родительской заботой, абитуриентам было чуть полегче «сдаваться».

Я же был один. Как перст. А кто мог, собственно, мог со мной поехать? Некому было. Все – работали. Бабушек – дедушек уже, увы, не было. Одноклассники – так же, как и я, сами сдавали вступительные... В это же самое время... В свои высшие...

...Не прошло и двух томительных, «канительных» часов, как я, честно выстояв положенную в таких случаях очередь, не оказался, наконец, в просторной экзаменационной аудитории. «Вошел» в экзамен я тогда, как я это сейчас понимаю, уже слегка обезвоженным. (Жарко было в тот день в Перми, ой, жарко! В прямом и в переносном... Впрочем, кураж какой – то был).

Вытянул билет. Получил чистый лист бумаги со штемплем в правом верхнем углу и, усевшись на ближайшее же свободное место, начал готовится к ответу. С головой погружившись в мир химических формул и законов.

На первый взгляд, жребий не был слишком суровым ко мне: мой билет не производил впечатления чрезвычайно сложного, абсолютно «неподъемного». В ходе подготовки, я, так или иначе, «проходил», касался всех включенных в него вопросов. Мало того, когда я понял, что еще и задачу, похоже, решил, успокоился я окончательно, почему – то почти утвердившись в успехе задуманного...

Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает: первый тревожный «звоночек» прозвучал минут тридцать – сорок спустя, когда сердце невольно вздрогнуло от резкого, громкого, не терпящего возражений, голоса, исходящего от экзаменаторши, принимавшей за столом совсем неподалеку от меня:

– Углицких! Товарищи, а кто у нас тут: «Углицких»? Вы... Нет? Вы? Тоже – нет? Извините... А это вы? Вот и хорошо! Будем знакомы и как только будем готовы, вы слышите меня, Углицких, сразу же выходим... Сюда...

«Это же доцент Л – а!», – оборвавшимся сердцем догадался я. Как же мог я о ней забыть? Словно, кипятком меня тогда ошпарили! Это же почти крах получался, ребята... Иду к самой Л – ой! Не поминайте лихом!

Сердце отказывалось верить в неотвратимое! Это за что же, спрашивается, такая немилость?! А еще было немного обидно. Оказывается, все время, пока шла подготовка к ответу, мой экзаменационный лист уже преспокойненько лежал на столе перед самой знаменитой экзаменатор-

шей, терпеливо дожидаясь лишь моего личного появления...

Удар был неожиданным и потому – сильным, ничего не скажешь. В замешательстве, на секунду, возник вопрос: и что теперь делать? Вскинуть лапки, сдать без боя, и, сдав билет, уйти? Нет, это не выход. И не выходить – тоже не выход. Отказаться от Л – ой, попросив другого экзаменатора? Но какие для этого имеются основания? Никаких.

Потом – почти успокоился: «все, что ни делается, делается к лучшему». Если вызывают и избежать этого никак нельзя, невозможно – надо идти, смирившись с неизбежным. Ведь, «любой, даже самый ужасный конец, все равно лучше бесконечного ужаса»!

Что и сделал некоторое время спустя. Честно собрал «пожитки» (и себя, заодно) и, как в омут головой – шась! – двинулся к экзаменационному столу, сел подле Л – ой, разложился с со своими листочками – бумагами, приготовившись к ответу.

Но, как выяснилось, подняла меня Л – а из «берлоги» моей явно рановато – поспешила, неугомонная, не завершив, не оформив окончательно дела свои с предыдущей своей «крестницей».

Стара история, как мир: доцент Л – а поставила «двойку» абитуриентке. Очередную – очередной. Это нормально. Поставила и поставила. Но, представьте себе, неудачница наотрез отказалась покинуть аудиторию. Плачущая девушка сидела перед доцентом Л – ой и назойливо тянула:

– Пожалуйста, поставьте «тройку». Я же ответила на два вопроса из трех...

– «Тройка» вас не спасет. Задача не решена. Вы не пройдете...

– Пройду! Сдам остальные предметы на «пятерки» – пройду. Поставьте «тройку», что Вам стоит!

– Даже если сдадите на «шестерки», девушка, все равно не пройдете! Так что, давайте, не будем задерживать остальных!

Как несчастная ни пыталась, как ни умоляла о снисхождении, ей так и не удалось растопить лед непреклонного сердца железного химического доцента. Ушла в слезах...

Не знаю, так ли это было, на самом ли деле, или только показалось мне это, но когда дверь за горемыкой закрылась, Л – а как – то странно вздохнула. С еле уловимым, но – сожалением, сочувствием. Так мне показалось в самый первый момент.

Сердце мое тут же взыграло, отреагировав на событие это стремительным возрастанием надежды на благополучный исход собственного моего испытания:

«Ага, стало быть, даже им, самым твердокаменным и безжалостным, тоже, тоже временами приходится не слишком сладко»!? Почему – не знаю, но было такое ощущение! Да, по всему выходило, что даже эти «железные монстры», вершители судеб людских, судьи строгие и беспощадные, даже они способны *со – чувствовать, со – переживать* и *со –*

страдать!?

Впрочем, тут же выяснилось, что радоваться было особенно нечему, что «слезы» доцентские были не настоящими, «крокодильими». Ибо, экзаменаторша тут же активно принялась и за меня:

– Ну, что у вас, молодой человек? Готовы? Нет, нет, не надо пока отвечать по билету! Не спешите, я вам говорю! Первым делом – покажите задачу! Где ваше решение? Предъявите! Если нет – тогда и говорить не о чем... Так... так..... Кажется, правильно... ..Вы – пермяк? ...Я вас русским, кажется, спрашиваю языком: вы – пермяк? Хорошо, а в школе какой учились? ...Я номер, номер спрашиваю, вы что номера своей школы не помните? ...Понятно... А где – это? Понятно... Да, все, похоже, правильно... Ну, что же, Углицких, теперь переходим к другим вопросам билета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.